

ДЕВОЧКА В ЮБКЕ ЦВЕТА ЗЕЛЕННОГО ЯБЛОКА

Читающие по-русски, поздравляю вас! Наконец к вам пришла проза самой (на мой взгляд) популярной в мире женщины XX века, писавшей по-китайски.

Сань-мао — псевдоним. Эту тайваньскую писательницу звали Чэнь Мао-пин. Чэнь — фамилия, а имя можно перевести как «величественная и спокойная» или «несущая покой». Пожелание родителей не сбылось — их прекрасная одаренная дочь совершенно не желала вести себя величественно и нести людям покой. И еще в детстве убрала из своего имени сложный иероглиф «мао» («величие» или «побуждать к чему-то»). А «пин» — это не только «покой», но и «простота», и «справедливость»... Позднее она взяла себе английское имя Echo Chen в честь своего любимого учителя рисования, известного тайваньского художника Гу Фу-шэна, подписывавшего свои работы Echo. А лежащие сейчас перед вами «Сахарские новеллы» вышли уже под псевдонимом Сань-мао, что значит одновременно и «тридцать грошей», и «три волоска». Видимо, изначально писательница хотела иронично заявить, что и сама она, и ее творения немногого стоят, но потом с радостью обнаружила, что это имя уже известно китайской публике, ведь Сань-мао — мальчик-непоседа, главный герой комиксов китайского художника Чжан Лэ-пина, с которым она познакомилась и подружилась в 1989 году.

Сань-мао родилась 26 марта 1943 года на юго-западе Китая, в городе Чунцине, в семье успешного адвоката, гордившейся несколькими поколениями выдающихся предков. После окончания Второй мировой войны они переехали на восток, в Нанкин, а в 1949 году, после прихода к власти в материковом Китае коммунистов, — в Тайбэй, столицу Тайваня, где продолжала править основанная в начале XX века китайская национальная партия Гоминьдан.

Сань-мао держалась в стороне от других детей, подбирала на улице вещи и играла с ними. В средней школе она получала одни нули по математике, однако потом обнаружила в конце учебника ответы на все контрольные, выучила их наизусть и стала получать отличные отметки. Когда учитель понял, что на самом деле она не может решить примеры, он перед всем классом нарисовал ей вокруг глаз нули. После этого девочка стала вместо школы ходить с книжкой на кладбище. Родители перевели ее в американскую школу, где она училась составлять букеты, играть на фортепиано и рисовать. Под руководством отца Сань-мао изучала классическую китайскую поэзию и историю и читала по-английски. Однако ни эти занятия, ни психотерапия не помогли ей выйти из депрессии — она попыталась перерезать себе вены.

Помог художник Гу Фу-шэн — тот самый, в честь которого будущая писательница взяла английское имя и кого назвала «своей любовью с первого взгляда». Он не только научил ее рисовать, но и познакомил

мил с ведущими тайваньскими литературными журналами того времени, а также с творчеством Бодлера, Золя и Камю. И именно по рекомендации Гу Фу-шэна в 1962 году Сань-мао отправила свой первый рассказ «Наваждение» главному редактору журнала «Современная литература», известному тайваньскому прозаику Бай Сянь-юню, чьи произведения недавно были опубликованы на русском языке. Тогда же Сань-мао знакомится с другими тайваньскими литераторами и, несмотря на отсутствие школьного аттестата, становится вольнослушательницей философского факультета Института культуры, где показывает незаурядные успехи. Позднее Сань-мао скажет, что была тогда «самовлюбленной болезненной девочкой», а преподаватель напишет о ней так: «Непонятная, необычная, сюрреалистично изъясняющаяся, странная девушка-загадка... которая гонится за призраками и творит трагическую красоту, а когда призраки воплощаются, спасается от них бегством».

В 1967 году Сань-мао расстается с женихом и уезжает учиться в Испанию, где знакомится со своим будущим мужем Хосе, который еще ходит в школу и не подозревает, что это судьба стучится в дверь. Потом девушка посещает Гёте-институт в Германии, изучает керамику в университете штата Иллинойс, подрабатывает гидом, моделью, библиотекарем и много путешествует: ГДР, Польша, Югославия, Чехословакия, Дания... И меняет кавалеров как перчатки — тут и японский бизнесмен, и немецкий дипломат, и тайваньский аспирант.

Любовные приключения продолжаются, когда Сань-мао возвращается в Тайбэй и преподает в Институте культуры и других учебных заведениях. В основанном русскими эмигрантами кафе «Астория» — одном из центров столичной политической и литературной жизни — она встречает художника Дэн Го-чуаня, влюбляется в его картины и собирается, несмотря на сопротивление семьи, выйти за него замуж. Но перед самой свадьбой выясняется, что он уже женат... На теннисном корте она знакомится с немолодым немецким профессором, принимает его предложение руки и сердца, но по дороге в типографию за свадебными приглашениями профессор умирает от сердечного приступа. Сань-мао в отчаянии, она принимает смертельную дозу снотворного, но врачи ее спасают. Семнадцать лет спустя она с горечью напишет: «Приглашения так никто и не забрал». Вообще надо сказать, что в воспоминаниях о бурной жизни Сань-мао, и ее собственных, и чужих, содержатся некоторые противоречия, заставляющие относиться к ним как к художественным импровизациям на темы реальной жизни в духе произведений Сергея Довлатова.

В 1972 году Сань-мао возвращается в Испанию и возобновляет знакомство с Хосе, который окончил университет, отслужил в армии и получил свидетельство ныряльщика. Сань-мао увлекает его за собой в Сахару, находившуюся тогда под властью Испании. Об их женитьбе и приключениях в пустыне вы узнаете из «Сахарских новелл». Раньше всего, осенью 1974 года, увидел свет «Китайский ресторанчик». Потом приложение к тайваньской газете «Ляньхэбао» одну за другой стало публиковать истории, объединенные впоследствии в сборники «Са-

харские новеллы», «Записки пугала» и «Плач верблюдов». Юмором, экзотикой, оптимизмом они привлекли читателей всего китайского мира и сохраняют популярность по сей день.

В 1976 году Сахара перестает быть испанской колонией, и Сянь-мао с мужем переезжают на Канарские острова. Осенью 1979 года, во время китайского праздника Середины осени, Хосе погиб при погружении. Благодаря поддержке гостивших у них родителей Сянь-мао пережила этот удар, но от душевной раны так и не оправилась.

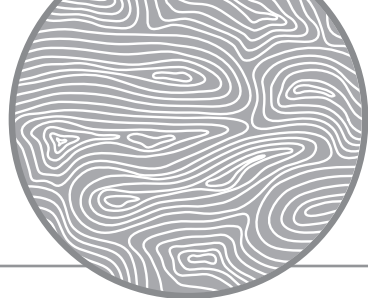
В ноябре 1981 года газета «Ляньхэбао» отправила Сянь-мао в полугодовую поездку по Латинской Америке, результатом которой стал сборник «За горами и морями», а также лекционное турне по Тайваню. Затем она некоторое время преподает писательское мастерство в тайбэйских университетах, однако вскоре вынуждена уехать на лечение в США. Несмотря на болезни, в 1987 году выходят ее аудиокниги «Рассказывает Сянь-мао» и «Звездапад».

В 1990 году по сценарию писательницы снимают фильм «Красная пыль», который, несмотря на критику за «сочувствие к предателю» (сотрудничавшему с японцами во время Второй мировой) и «неверное изображение Гоминьдана», завоевал множество наград на кинофестивале «Золотой конь». Однако Сянь-мао, номинированная на приз за лучший сценарий, его не получила. Вскоре она попадает в больницу, где 4 января 1991 года ее находят повешенной на чулках. Среди объяснений смерти — и убийство, и самоубийство, и несчастный случай (якобы под влиянием слишком сильной дозы снотворного она запуталась в собственных чулках). Все же наиболее вероятной представляется версия о самоубийстве. В ноябре 2021 года режиссер фильма «Красная пыль» рассказал в интервью, что Сянь-мао была очень расстроена, когда награда досталась другому сценаристу.

Многие вспоминают Сянь-мао, но лучше всех, наверное, сказал о ней Бай Сянь-юн: «Она создала необычный, прекрасный, сказочный, романтический мир: тут и великая любовь в жизни и смерти, и невероятная, завораживающая экзотика, и скачки по африканской пустыне, и экспедиции в первобытные леса Южной Америки... Когда стало известно, что Сянь-мао покончила с собой, у меня перед глазами, как в кино, пронеслась и погасла целая вереница ее образов, и остался лишь один — испуганная застенчивая шестнадцатилетняя девочка в юбке цвета зеленого яблока. Может быть, это и есть настоящая Сянь-мао — вечная странница, которая отказалась взрослеть и оборвала свою жизнь, чтобы противостоять увяданию, чтобы сказать старику-времени свое последнее "нет"».

Благодаря замечательному переводу и комментариям Марии Осташёвой вы узнаете не только о Сахаре, но и о Тайване, и о классической китайской культуре — ведь автор пропускает свои впечатления сквозь призму национальной традиции. Надеюсь, и вы станете поклонниками Сянь-мао, перекинувшей мост между Востоком и Западом, а издательство АСТ подарит нам встречи с другими ее книгами.

Роман Шапиро

КЛИНОК В НОЧИ

Впервые я оказалась в пустыне потому, что мне ужасно хотелось стать первой в мире женщиной, проехавшей через Сахару от края до края. Еще когда я жила в Европе, эта мечта не давала мне уснуть. Весь мой прошлый опыт путешествий по разным странам ровным счетом ничего не значил в сравнении с этой не тронутой современной цивилизацией землей. Около полугода я раздумывала, а потом решила просто отправиться туда и уже на месте разобраться, что к чему. Конечно, нужен был какой-никакой план — не могла же я просто повесить на спину баллон с водой и спрыгнуть с парашютом прямо в пустыню.

Поначалу я прибыла в Эль-Аюн, столицу Испанской Сахары. «Столица» — слишком громко сказано, это всего лишь небольшой поселок в пустыне: две пары улиц, несколько банков и лавочек. Точь-в-точь как безлюдный заброшенный городок в каком-нибудь западном фильме; никакого столичного блеска здесь нет и в помине.

Домик, который я арендовала, находится за пределами поселка. Он ветх и убог, а стоит дороже стандартного европейского дома. Мебели в нем нет, и я постелила на пол соломённые циновки, как это делают местные. Купила матрас и положила его в другую комнату: здесь будет спальня. Так

и жила первое время. Вода у меня есть: на крыше стоит бак из-под бензина, каждый день около шести привозят соленую воду из муниципалитета. Эту воду добывают из глубоких колодцев в пустыне; не знаю, отчего она такая соленая. Она годится для умывания и мытья, а питьевую воду надо покупать в бутылках по цене около двадцати тайваньских долларов¹ за штуку.

В первое время мне было очень одиноко, я ведь не говорю на арабском, а соседи мои — сплошь сахрави, африканцы; мало кто из женщин знает испанский, разве что детишки кое-как на нем изъясняются. Откроешь дверь моего дома, выйдешь за порог и увидишь улицу, по другую сторону которой — безбрежная, бескрайняя пустыня. Ровная, бархатистая, безмятежная, загадочная, она простирается до самого небесного края, бледно-желтая, похожая, как мне кажется, на поверхность Луны. Я люблю смотреть, как алеет пустыня под лучами заката. Каждый вечер на закате я выхожу на крышу и сижу, пока не стемнеет, охваченная невесть откуда взявшимся чувством острого одиночества.

Первоначально я собиралась немного отдохнуть, а затем отправиться в путешествие через пустыню. К несчастью, я никого в округе не знала, и мне оставалось только ежедневно бегать в полицейский участок в Эль-Аюне. (На самом деле я была вынуждена туда бегать, так как они забрали мой паспорт в надежде выдворить меня из пустыни.) Первым делом я наведальась к заместителю начальника полиции — он был испанец.

— Сеньор, я хочу поехать в пустыню. Не подскажете, как это можно осуществить?

— В пустыню? Да вы и так уже в пустыне. Поглядите-ка в окошко, — ответил он, не поднимая на меня глаз.

— Нет, я хочу проехать через всю Сахару. — Я провела рукой по висевшей на стене карте до самого Красного моря.

---

¹ Речь идет о начале 1970-х, когда курс американского доллара к тайваньскому составлял 1:38.

Минуты две он пристально меня разглядывал, после чего сказал:

— Сеньорита, вы сами понимаете, что говорите? Это совершенно невозможно. Пожалуйста, улетайте ближайшим рейсом в Мадрид. Нам здесь проблемы не нужны.

— Никаких проблем со мной не будет, — запальчиво возразила я. — Денег мне на три месяца хватит, могу показать, вот они.

Я вытащила из кармана ворох замызганных банкнот и показала ему.

— Ну, как хотите. Даю вам вид на жительство сроком на три месяца. Через три месяца придется уехать. Где вы остановились? Я зарегистрирую адрес.

— Я живу за городом, на доме нет номера. Как вам объяснить... дайте нарисую...

Так я поселилась в пустыне Сахаре.

Не хочется постоянно жаловаться на одиночество, но первое время в пустыне стало тяжким для меня испытанием, и я чуть было не вернулась обратно в Европу. Бесконечный ветер с песком, невозможный климат, когда днем так жарко, что вода обжигает руки, а вечером так холодно, что нужно кутаться в стеганую куртку... Сколько раз я спрашивала себя, ради чего мне здесь оставаться? Зачем я приехала одна в этот богом забытый уголок? Вопросы эти не имели ответа, и я просто проживала один день за другим.

Второй человек, с которым я познакомилась, был отставным командиром здешнего «пустынного легиона». Он был испанец, но прожил в пустыне всю жизнь и, состарившись, не пожелал возвращаться в Испанию. Я отправилась к нему за советом.

— Сеньорита, это невозможно. Сами посудите!

Я молчала, не в силах скрыть разочарования.

— Смотрите, вот военная карта. — Он показал на карту на стене. — Вот Африка, а вот пустыня Сахара. Пунктирные линии — это дороги. А остальное вы и сами видите.

Все это я знала, я тысячу раз рассматривала разные карты. На карте отставного командира были обозначены лишь пунктирные линии дорог да границы между странами, остальное — пустота.

— Что вы называете дорогами? — спросила я.

— Дорогами я называю тропинки, проложенные предшественниками. В хорошую погоду их видно, но стоит прийти песчаной буре, как они исчезают.

Поблагодарив его, я ушла. На душе было тяжело, я понимала, что переоценила свои возможности. Но отказаться от задуманного не могла — для этого я слишком упряма.

Я отправилась на поиски местных советчиков: исконные жители пустыни наверняка что-нибудь да придумают.

Есть за поселком одна площадь, на ней теснятся верблюды, джипы, козы и выставлен на продажу всякий товар. Дождавшись окончания молитвы, я спросила старого мусульманина, как можно проехать через пустыню. Старик понимал по-испански. Стоило ему заговорить, как его окружила стайка молодых людей.

— Хочешь отправиться к Красному морю? Я в жизни там не бывал. Ты можешь полететь туда самолетом через Европу, для этого не нужно пересекать пустыню.

— Вы правы, но я хочу проехать именно через пустыню, потому и прошу вашего совета. — Боясь, что он не расслышит, я повысила голос.

— Именно через пустыню? Это можно. Послушай меня. Возьми напрокат два джипа. Если один сломается, пересядешь на другой. Найми проводника. Можно попробовать, если как следует подготовиться.

Впервые я услышала, что можно попробовать.

— А сколько это будет стоить? — допытывалась я. — Сколько стоит взять машину напрокат? А услуги проводника?

— Одна машина стоит три тысячи песет в день, и проводнику три тысячи. Питание и бензин — отдельно.

Хорошо. Я посчитала в уме, получилось, что месяц путешествий обойдется мне в сто восемьдесят тысяч песет (сто двадцать тысяч тайваньских долларов).

Нет, погодите. Нужны же две машины. Значит, уже выходит двести семьдесят тысяч испанских песет, или сто семьдесят тысяч тайваньских долларов. Добавить к этому оснащение, бензин, продукты, воду... получается не меньше четырехсот тысяч!

Я нашарила в кармане несколько жалких купюр и вздохнула.

— Слишком дорого. Ничего не выйдет. Спасибо вам.

Я собралась уходить, но тут старик окликнул меня:

— Есть один недорогой способ.

Я наострила уши и уселась обратно на землю.

— Какой же?

— Отправляйся с пастухами-кочевниками. Они добрый народ, идут туда, где есть дождевая вода. С ними много не потратишь. Если хочешь, сведу тебя с ними.

— Трудности меня не пугают. Могу купить и палатку, и верблюда. Помогите мне, пожалуйста! Я готова отправиться хоть сейчас.

— Да кто ж знает, когда они выйдут. Бывает, простаивают в одном месте неделю или две, а бывает, что и три месяца, если козам есть чем кормиться.

— А сколько времени им потребуется, чтобы пересечь пустыню?

— Тут не угадаешь. Они передвигаются медленно. Пожалуй, лет десять!

Стоявшие рядом расхохотались, но мне было не до смеха. В тот день я долго шла пешком домой. Приехав издалека в пустыню, я оказалась запертой в крошечном поселке. Хорошо, что у меня было хотя бы три месяца. Поживу пока здесь, а там поглядим.

На второй день после заселения со мной пришла знакомиться семья домовладельца. У двери столпились ребятишки; я улыбнулась им, взяла на руки самого маленького и пригласила всех в дом.

— Заходите, угощайтесь!

Они смущенно оглянулись на стоявшую позади полную женщину. Это была настоящая красавица: огромные глаза, длинные ресницы, белые зубы, золотисто-коричневая кожа. На ней было одеяние цвета темной лазури, волосы она закрывала. Она подошла, прижалась лицом к моей щеке, взяла меня за руку и сказала:

— Салам алейкум!

— Салам алейкум! — ответила я. Она чрезвычайно мне понравилась.

Все девочки были одеты в яркие цветастые африканские платья, волосы заплетены во множество красиво змеившихся тонких косичек. Из мальчишек кто-то был одет, а кто-то пришел голышом. Обуви ни на ком не было, тела источали тяжелый запах. Лица их были чумазы, но все же очень привлекательны.

Впоследствии я познакомилась и с самим домовладельцем. Он служил в полиции и немного говорил по-испански.

— Ваша жена — настоящая красавица, — сказала я ему.

— Странно, — ответил он. — Она ни разу к вам не приходила.

— Кто же та красивая полная дама?

— А! Это моя старшая дочь Гука. Ей всего десять лет.

Я уставилась на него, оторопев от изумления. Гука выглядела совсем взрослой, на вид ей можно было дать лет тридцать. Я ушам своим не верила.

— А вам, сеньорита, видать, тоже лет десять? Будете с дочкой подружками.

Я в замешательстве почесала голову, лихорадочно соображая, как объявить домовладельцу свой возраст.

Впоследствии, когда мы подружились с Гукой, я спросила ее:

— Гука, тебе правда всего десять лет?

— Каких лет? — переспросила она.

— Твоих. Сколько тебе лет?

— Не знаю, — ответила Гука. — Я умею считать только до десяти пальцев. Нам, женщинам, свой возраст знать ни к чему. Один папа знает, сколько мне лет.

Потом я обнаружила, что не одна Гука не знает, сколько ей лет. И ее мать, и все живущие по соседству женщины абсолютно не умеют считать, и возраст совершенно их не заботит. Заботит их только одно — достаточно ли они полны, ведь полная — значит красивая, а возраст — дело десятое.

Со дня моего переезда в пустыню прошел месяц. У меня появилось много знакомых, и испанцев, и сахрави. Один местный юноша окончил среднюю школу, в здешних краях это считается чем-то невероятным. Как-то раз он сообщил мне, светясь воодушевлением:

— Весной будущего года я женюсь!

— Поздравляю! А где твоя невеста?

— Она живет в пустыне, в *хайме*. (*Хайма* означает «шатер».)

Я глядела на этого славного юношу и надеялась, что с ним-то все будет по-другому, не так, как у его сородичей.

— А скажи, сколько лет твоей невесте?

— В этом году будет одиннадцать.

— И ты говоришь, что окончил среднюю школу?! Боже ты мой! — вскричала я.

— А что тут такого? — нахмурился он. — Моей первой жене было всего девять лет, когда мы поженились, сейчас ей уже четырнадцать, у нас двое детей.

— Как? Ты женат? Что же ты ничего о ней не рассказывал?

— Женщина же, чего о ней рассказывать.

Я вперила в него возмущенный взгляд.

— Ты все четыре раза намерен жениться? (Мусульманам разрешается иметь четырех жен.)

— Все четыре не получится, денег не хватит. Пока что и двух достаточно.

Вскоре вышла замуж Гука. На своей свадьбе она горько рыдала, как того требует обычай. Окажись я на ее месте, я рыдала бы всю оставшуюся жизнь.

Однажды в сумерках за дверью раздался автомобильный гудок. Я выбежала наружу и увидела своих новых друзей, супружескую пару.

— Прокатимся с ветерком! — предложили они, помахав мне из своего джипа.

Оба они были испанцы. Муж служил в местных воздушных войсках, и в его распоряжении был современный «корабль пустыни». Вскрабкавшись на заднее сиденье джипа, я спросила:

— Куда едем?

— В пустыню.

— А надолго?

— Часа на два — на три.

Пусть вокруг один песок, иногда все же надо выезжать куда-нибудь подальше. Машина ехала по следам шин прямо в безбрежную пустыню. Начинало смеркаться, но было по-прежнему жарко. Меня стало клонить в сон, в глазах все расплывалось... и вдруг — не может быть! Впереди, на расстоянии двухсот метров, раскинулось огромное озеро, гладкое, словно зеркало, а рядом росли деревья.

Я протерла глаза. Машина на всех парах мчалась прямо в озеро. С заднего сиденья я хлопнула водителя по голове.

— Дружище, там же озеро! — завопила я. — Ты что, угробить нас решил?

Пропустив мои вопли мимо ушей, он нажал на газ. Я посмотрела на его жену — она лишь посмеивалась. Машина не снижала скорость, озеро приближалось. Я обхватила колени, приготовившись к неизбежному.

Я слышала, что где-то неподалеку в пустыне есть большое озеро, но не думала, что именно здесь. Подняла голову, взглянула — вот оно, озеро. Пригнувшись к коленям, я закрыла голову руками. Машина проехала еще сотню метров и остановилась.

— А теперь открой глаза! — окликнули меня приятели. Я открыла глаза. Кругом — бескрайняя пустыня. Земля, обогрелая кровавыми лучами заката. Ветер тихонько сдувает песок. Жуткая, мрачная картина.

Но где же озеро?

Оно исчезло. Ни воды, ни деревьев вокруг.

Вцепившись в переднее сиденье, я испуганно молчала, чувствуя себя героиней происходящей наяву страшной истории из «Сумеречной зоны»².

Я выпрыгнула из машины, постучала ногами по земле, потрогала ее руками. Земля была настоящая. Но где же озеро? Куда оно делось?

Я быстро оглянулась — машина никуда не исчезла. Вот она, а рядом с ней — мои покатывающиеся со смеху друзья.

— Я поняла! Это был мираж. Верно?

Все еще в мурашках от ужаса, я села обратно в машину.

— Что за наваждение! И так близко. В кино миражи всегда показывают издалека.

— Это что. Начнешь потихоньку исследовать пустыню, еще и не такое увидишь.

Отныне я, увидав что-то необычное, уже не спешу верить собственным глазам и проверяю все на ощупь. Но я никому не признаюсь, что боюсь миражей. Я говорю:

— Проклятая близорукость. Ничего толком не разглядишь!

Как-то раз я занималась стиркой. Дверь была открыта, и вдруг в дом вбежала хозяйская коза и сожрала мой единственный, с трудом возвращенный на пресной воде цветочек. Цветочка, собственно, не было, а были два здоровеньких листочка, и коза слопала их в один присест. Я погналась за ней, споткнулась и шлепнулась на землю. Рассвирепев, я побежала в соседний дом ругаться с хозяйским сыном.

— Ваша коза съела мои листочки.

Старшему сыну хозяина уже исполнилось пятнадцать.

— Сколько листочков? — деловито поинтересовался он.

— Целых два листочка, и все их съела ваша коза.

---

² «Сумеречная зона» — американский телесериал, выходивший с 1959 по 1964 г. Каждая серия представляет собой отдельную историю, связанную с необычными и паранормальными явлениями при вхождении в «сумеречную зону».

— Стоит ли так сердиться из-за двух листочков? Большое дело!

— Ты что, забыл, что мы в пустыне? Здесь и так ни травинки, а мой цветочек...

— Хватит о цветочке. Что ты делаешь сегодня вечером?

— Ничего не делаю. — И правда, никаких особых дел у меня не было.

— Мы с приятелями идем ловить пришельцев. Пойдешь с нами?

— Летающая тарелка? Ты хочешь сказать, летающая тарелка прилетит? — Во мне вновь разыграло любопытство.

— Она самая.

— Мусульманам запрещается врать, дружок!

Подняв руку, он поклялся, что это правда.

— Ночь будет безлунная, сегодня наверняка прилетит.

— Конечно, пойду! — тут же выпалила я, охваченная и страхом, и возбуждением. — Будем ловить пришельцев?

— Ну да, как только они вылезут. Только тебе надо переодеться в мужчину, как местные одеваются. Не могу же я с женщиной идти.

— Как скажешь. Дай мне взаймы тюрбан и теплую накидку.

Вечером мы с Баширом и его друзьями отправились в двухчасовой пеший поход. Дойдя до места, где ни огонька не было видно, мы улеглись на землю. Кругом стояла крошечная тьма, звезды холодно мерцали алмазным блеском. От оплеух ветра болело лицо. Я укрыла его тюрбаном, оставив снаружи одни глаза. Когда я почти окончена от холода, Башир вдруг стукнул меня.

— Тсс! Не шевелись! Слушай!

«У-у-у, у-у-у, у-у-у...» Это было похоже на ритмичное гудение мотора, звучащее со всех сторон сразу.

— Ничего не видно! — воскликнула я.

— Тихо, не кричи, — Башир показал пальцем на небо. Невдалеке от нас в высоком небе показался какой-то красно-оранжевый светящийся объект и стал медленно приближаться к нам. Я пристально глядела на него, от страха

царапая ногтями песок. Загадочное нечто описало круг и отлетело. Я тяжело выдохнула. Объект снова медленно двинулся в нашу сторону, постепенно снижаясь.

В этот миг мне хотелось только одного: чтобы он поскорей убрался восвояси. Каких там пришельцев ловить! Скажи спасибо, если тебя не захватят. Эта штука висела в воздухе и не приземлялась. Тело мое обмякло, я не могла пошевелиться. Было страшно холодно, но с меня градом лил пот.

Когда мы вернулись, было уже светло. У двери дома я отдала Баширу тюрбан и накидку. И как раз в этот момент пришел с работы мой домовладелец-полицейский.

— Куда это вы ходили? — спросил он.

Увидев отца, Башир шмыгнул в дом, как поджавшая хвост собачонка.

— На летающую тарелку смотреть! — ответила я хозяину.

— Мальчишка наврал с три короба, а вы и рады!

Подумав немного, я сказала ему:

— Но ведь это правда. Я своими глазами видела какую-то красно-оранжевую штуковину, совсем не похожую на самолет. Она летела низко, медленно...

Хозяин задумался на мгновение.

— Многие видели, она часто прилетает по ночам, уже несколько лет! Никто не может объяснить, что это такое.

Я встрепенулась от неожиданности.

— То есть вы верите, что я ее видела?

— Сеньорита, я верю в Аллаха, но эта штука в небе над пустыней определенно существует.

Хоть я и продрогла до костей в эту бессонную ночь, мне еще долго не удавалось уснуть.

Однажды поздним вечером, поев у друзей жареной верблюжатины, я собралась домой. Было уже около часа ночи. Друзья предложили:

— Оставайся у нас до завтра.

Я подумала немного — вроде не так уж и поздно — и решила идти домой.

— Но мы не сможем тебя проводить, — с озабоченным видом сказал хозяин.

Я похлопала себя по высокому сапогу.

— Не нужно меня провожать! У меня с собой кое-что есть.

— Что же это? — спросили муж и жена в один голос.

Я театрально взмахнула руками и выхватила из голенища нож с острым сверкающим клинком. Хозяйка вскрикнула. Посмеявшись вдоволь, мы распрощались, и я отправилась домой.

До дома было минут сорок пешком. Не очень-то и далеко, но вот беда — путь лежал через два больших кладбища. В здешних местах покойников хоронят не в гробах, их заворачивают в белую ткань, закапывают в песок, а сверху придавливают каменной глыбой, чтобы в полночь мертвые не поднимались из могил.

Ночь была лунная. Я шагала, распевая во весь голос марш «пустынного легиона». Но потом спохватилась и подумала, что петь, пожалуй, не следует, ведь поющая мишень куда более заметна. Фонарей в пустыне не было; кроме завываний ветра я слышала только звук собственных шагов.

В лунном свете показалось первое кладбище. Я осторожно ступала между могил, стараясь не потревожить спящих вечным сном. На втором кладбище с этим было сложнее: оно находилось на склоне холма, где покойники так тесно жались друг к другу, что ногу было поставить негде. Неподалеку шныряли бродячие собаки. Я села на корточки и набрала камней, чтобы отпугнуть их. Собаки с воем убежали прочь.

Я постояла на склоне, огляделась — вокруг ни души, страшно. Впрочем, было бы еще страшней, если бкто-то внезапно появился из пустоты. А если это будет не человек? Аж волосы на голове шевелятся, хватит думать о всякой ерунде. Я уже почти прошла через кладбище, как вдруг впереди мелькнула чья-то тень. Она распласталась на земле, после чего встrepенулась, воздела руки к небу, снова рухнула на землю, снова поднялась, снова упала...

Похолодев, я закусила губу, стараясь сохранять спокойствие и не двигаться. Но что это? Тень тоже замерла. Я пригляделась и увидела замотанный в какие-то тряпки силуэт, явно выползший из могилы! Присев, я нащупала правой ладонью в сапоге рукоятку ножа. Мощным порывом какого-то небывалого ветра меня, будто во сне, отнесло на несколько шагов вперед, ближе к зловещей тени. В лунном свете она снова попыталась подняться. Я огляделась, стараясь оценить свое положение. Позади был холм, быстро на него не вскарабкаться. Лучше бежать вперед. Я нерешительно сделала несколько шагов. Приблизившись к мертвецу, я завопила истошным голосом и пустилась наутек. Внезапно с моим воплем слился еще более надсадный, чем мой, вопль мертвеца: «А-а-а! А-а-а!»

Пробежав шагов десять, я остановилась. Это кричал человек! Я оглянулась и увидела мужчину в сахравийском одеянии с перекошенным от страха лицом.

— Кто вы? Как не стыдно прятаться здесь и пугать женщин! Позор на вашу голову! — бранилась я по-испански. Страшно мне уже не было.

— Я... я...

— Грабитель? Из тех, что по ночам расхищают могилы? — Я неожиданно расхрабрилась и двинулась прямо на него.

Ой! Да ведь это мальчишка, лет двенадцати, не больше, и все лицо у него в песке.

— Я просто молился на могиле матушки. Я не хотел вас пугать.

— Рассказывай тут! — Я слегка толкнула его. Он был готов расплакаться.

— Что вы на меня наговариваете! Вы сами меня напугали!

— Я? Напугала тебя? Скажешь тоже! — Я уже не знала, плакать мне или смеяться.

— Я читал молитву, и вдруг ветер донес до меня какую-то песню. Я прислушался, но пение прекратилось. Потом вдруг завыли и забегали собаки. Я склонился к земле и продолжил молиться, и тут увидел вас на пригорке с раз-

вевающимися на ветру волосами. Я перепугался до смерти, а вы с криком бросились прямо на меня!

Я разразилась хохотом. Не в силах остановиться, я топталась вокруг, наступая покойникам прямо на грудь. Отсмеявшись, я сказала пареньку:

— Эх ты, трусишка! Нашел время молиться на кладбище! Беги скорей домой!

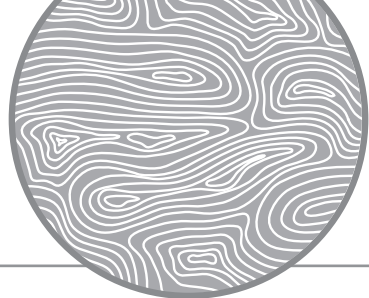
Он поклонился мне и убежал.

Тут я обнаружила, что одной ногой стою на правой руке его матери. Я оглянулась по сторонам; луна уже скрылась, и мне показалось, что кто-то ползет ко мне с окраины кладбища. «Прочь отсюда», — тихо воскликнула я и во весь дух помчалась домой.

Задыхаясь, я одним ударом распахнула дверь, прислонилась к ней спиной и поглядела на часы. Сорокаминутный путь я преодолела за четверть часа.

Говорили же мне друзья: «В пустыне столько удивительных вещей, проживешь здесь и увидишь сама!»

Этой ночью их и правда было предостаточно.

КИТАЙСКИЙ РЕСТОРАНЧИК

Супруг мой — иностранец, к великому моему сожалению. Говорить так о собственном муже — чистой воды ксенофобия, но различия между языками и обычаями наших стран неизбежно приводят к недопониманиям в супружеской жизни.

Согласившись выйти замуж за Хосе, я прямо сказала ему: мало того что мы из разных стран, у нас еще и характеры несхожи. В браке мы наверняка будем ссориться, а может, даже и драться. Он ответил мне: «Я знаю, что характер у тебя скверный, зато сердце доброе. Может, мы и будем ссориться и драться, но все равно давай поженимся».

Так мы и поженились после семи лет знакомства.

Я не сторонница движения за женскую эмансипацию, но мне совершенно не хотелось потерять после замужества независимость и внутреннюю свободу, и я подчеркивала снова и снова, что после свадьбы буду продолжать поступать так, как мне вздумается, а иначе лучше и не жениться. Хосе тогда сказал мне: «Я и хочу, чтобы ты оставалась такой же сумасбродкой. Без твоего характера и замашек — к чему мне на тебе жениться?»

Отлично. Эти слова настоящего мужчины совершенно меня успокоили.

Связав свою жизнь с Хосе, я приняла и его язык. Несчастный чужестранец, сколько ни объясняла я ему разницу между иероглифами 人 («человек») и 入 («входить»), он так ничего и не понял. Пришлось мне оставить его в покое и заговорить на его языке. (Но в будущем, когда появятся дети, я душу из них выну, но по-китайски говорить заставлю — тут он не возражал.)

Кто бы что ни говорил, для домохозяйки главное — это кухня. Работу по дому я всю жизнь ненавидела, зато готовить всегда любила. Пара луковиц, несколько кусочков мяса, мгновение — и вкусное блюдо готово; это искусство всегда меня восхищало.

Моя матушка на Тайване страшно опечалилась, когда узнала, что, выйдя замуж, я отправляюсь вслед за Хосе и его работой в африканскую пустыню. Но заработок обеспечивал Хосе, и другого выбора, кроме как ехать вслед за пайкой, у меня не было. Первое время после свадьбы я готовила исключительно западную еду. Но потом ко мне прилетела спасительная посылка из дома: я получила прозрачную лапшу, сушеные водоросли и грибы, лапшу быстрого приготовления, вяленую свинину и прочие сокровища кулинара. На радостях я начала готовить не покладая рук, а когда европейская подружка прислала мне соевого соуса, «китайский ресторанчик» на дому был готов к открытию. Жаль только, что едок был всего один и денег не платил (хотя впоследствии друзья в очередь выстраивались, чтобы попробовать мою стряпню!).

Конечно, для настоящего китайского ресторанчика присланных матушкой продуктов было недостаточно, но, к счастью, Хосе никогда не бывал на Тайване. Глядя на то, как лихо я вживаюсь в образ шеф-повара, он совершенно уверился в моем кулинарном мастерстве.

Моим первым блюдом стала прозрачная лапша в курином бульоне. Хосе, вернувшись с работы, всегда кричал:

— Скорей есть давай, умираю с голоду!

Вот так любишь человека столько лет, а он, едва войдя, сразу требует еды, даже не взглянув на жену. Что ж, по край-

ней мере я могу спокойно превращаться в старую гримзу — он и не заметит.

Но мы говорили о бульоне. Сделав глоток, он спросил:

— Что это? Тонкая китайская лапша?

— Стала бы твоя теща отправлять лапшу за тридевять земель! Нет.

— Что же это? Дай еще немножко, так вкусно!

Я выудила палочками одну лапшинку и сказала:

— Это называется «дождик».

— «Дождик»? — удивился Хосе.

Я же предупредила, что и после замужества останусь верна себе и буду болтать что мне вздумается.

— Это первый весенний дождик. Когда в горах выпадает дождь, дождинки замерзают, горные жители собирают их и продают связками за рисовое вино. Их очень трудно достать!

Хосе, все еще не вышедший из оцепенения, изучающе глядел то на меня, то на свою пиалу с «дождиком». Наконец, он сказал:

— Ты что, за дурака меня держишь?

Я ничего не ответила на это и только спросила:

— Так будешь еще или нет?

— Ну и врушка же ты! Буду.

После этого он многократно ел «весенний дождик», но так до сих пор и не узнал, из чего он сделан. Иногда подумаю, какой Хосе глупый, и опечалюсь.

В другой раз я приготовила из прозрачной вермишели блюдо «Муравьи взбираются на дерево». Обжариваешь на плоской сковородке вермишель и добавляешь измельченное мясо и бульон. Вернувшись с работы, как всегда голодный, Хосе сразу набрал полный рот вермишели:

— Что это такое? Не то белые нитки, не то пластмасса?

— Ни то ни другое. Это нейлоновая леска, которой удят рыбу, китайцы так ее обрабатывают, что она становится белой и мягкой, — ответила я ему. Он съел еще, расплылся в улыбке и сказал с набитым ртом:

— Сплошные чудеса. Если и вправду открыть ресторан, это блюдо, моя дорогая, можно задорого продать.

В тот вечер он досыта наелся белых ниток из обработанного нейлона.

В третий раз я приготовила из прозрачной вермишели начинку для дунбэйских пирожков-«коробочек», измельчив ее вместе со шпинатом и мясным фаршем. Хосе попробовал и сказал:

— Ты что, акульих плавников туда положила? Я слышал, они очень дорогие, вот почему ты добавила лишь самую малость.

Я чуть на пол не упала со смеху.

— Скажи маме, пусть больше не покупает таких дорогих плавников. Пойду напишу ей, поблагодарю.

Я пришла в восторг и воскликнула, хохоча:

— Скорей беги пиши, а я переведу!

Однажды, когда Хосе вот-вот должен был вернуться с работы, я воспользовалась тем, что он проглядел вяленую свинину, быстренько нарезала ее ножницами на маленькие кусочки, сложила в банку и спрятала, завернув в шерстяной плед. Но, как назло, в тот день у него был заложен нос, и на ночь он решил укрыться этим пледом. Я устроилась рядышком перечитывать в тысячный раз «Речные заводи»¹, совершенно позабыв о своем кладе. Хосе улегся на кровать. В руках у него была банка, которую он внимательно разглядывал. Я подняла голову — эх, все пропало, плакали мои сокровища царя Соломона! Я проворно отняла у него банку, выдумывая на ходу:

— Это тебе нельзя, это лекарство! Китайское лекарство!

— У меня как раз нос заложен, кстати и полечусь! — Хосе запихнул в рот целую горсть. Я разозлилась, но что уж теперь, не выплевывать же.

---

¹ «Речные заводи» (автор Ши Най-ань) — роман XIV в. о похождениях благородных разбойников. Один из четырех классических китайских романов.

— Что это такое странное и сладкое? — спросил Хосе.

— Лекарство от кашля, — проворчала я в ответ. — Горло прочищает.

— Из мяса? Я что, по-твоему, идиот?

Проснувшись на следующий день, я обнаружила, что он стащил полбанки и отнес сослуживцам. С тех пор, едва завидев меня, сослуживцы начинают кашлять изо всех сил, пытаюсь выманить у меня вяленой свинины. Есть среди них и мусульмане, но им я свинины больше не даю, так что совесть моя чиста.

Жизнь супругов всегда крутится вокруг еды, а остальное время они заняты тем, что на еду зарабатывают. В общем, ничего интересного. Однажды я приготовила шарики из риса — то, что японцы называют «суси». Завернула рис в сушеные водоросли, а внутрь положила немного вяленого мяса фирмы «Вэйти». Хосе наотрез отказался это есть.

— С чего вдруг ты решила накормить меня копиркой?

— Значит, не будешь? — медленно спросила я его.

— Разумеется, не буду!

Вот и славно. На радостях я слопала целую гору суси.

— Ну-ка раскрой рот, дай я погляжу! — скомандовал Хосе.

— Гляди! Никаких следов. Я нарочно заворачивала обратной стороной копирки наружу, чтоб рот не окрасился. — Привыкнув блефовать в обычной жизни, я и тут не растерялась.

— Гадкая обманщица. Никогда не поймешь, что у тебя на уме. Скажи прямо, что это?

— Ничего-то ты не знаешь про Китай, — ответила я, поедая суси. — Так разочароваться в собственном муже...

Он разозлился и ухватил палочками один шарик. Лицо его выражало трагическую решимость: обратной дороги нет. Прожевав и проглотив, он сказал:

— А, так это водоросли!

Я подпрыгнула и закричала:

— Верно! Верно! Вот это умище! — Я готова была подпрыгнуть снова, но в этот момент получила от него по башке.

Китайские продукты подходили к концу, и мой «китайский ресторанчик» все реже открывал свои двери. На столе вновь появились европейские блюда. Вернувшись домой и обнаружив, что я жарю стейк, Хосе удивился и обрадовался.

— Мне средней прожарки! — крикнул он. — А картошки ты пожарила?

Три дня подряд я кормила его стейками, и наконец он потерял к ним всякий интерес. Отрежет кусочек и все.

— Ты что, на работе утомился? Может, поспишь, а потом поешь? — Старая гримза умеет быть и нежной.

— Дело не в усталости, а в том, что мы плохо питаемся, — объявил Хосе.

Услышав такое, я едва не подскочила на месте.

— Плохо питаемся? Плохо питаемся! Да знаешь ли ты, сколько стоит кило этой говядины?

— Милая, не в этом дело. Мне хочется «дождика». И других тещиных деликатесов.

— Ну хорошо, будем открывать китайский ресторанчик дважды в неделю, ладно? Как часто должен идти «дождик»?

Однажды Хосе пришел домой и сказал:

— Представляешь, меня начальник сегодня вызывал.

— Неужели зарплату подняли? — у меня загорелись глаза.

— Нет...

Я впилась ногтями в его руку.

— Как нет?.. Тебя что, уволили? О господи, как же мы...

— Да отцепись ты от меня, ненормальная! Послушай. Начальник сказал, что все уже побывали у нас в гостях, а его с женой ни разу не позвали. Вот он и ждет, чтоб ты угостила его китайской едой.

— Большой босс хочет, чтобы я ему готовила? Еще чего. Не буду его звать. Друзья и сослуживцы — пожалуйста, я только рада, но приглашать начальство, по-моему, неприлично. У меня пока еще совесть есть, знаешь ли!

Я приготовилась прочесть ему лекцию о высокой духовности китайского народа, но не смогла подобрать нужных слов. Взглянув на выражение лица Хосе, я поняла, что лучше мне убраться с этой духовностью куда подальше.

На следующий день он спросил меня:

— А есть ли у нас побеги бамбука?

— Есть целая куча палочек для еды, все из бамбука.

Он косо посмотрел на меня.

— Начальник сказал, что был бы не прочь отведать побегов бамбука с сушеными грибами.

Надо же, какой выдавший виды начальник! Вот и относись к иностранцам свысока.

— Ладно, приводи их завтра на ужин. Я, так и быть, выращу бамбук.

Впервые со дня свадьбы Хосе посмотрел на меня влюбленными глазами, вот какой чести я удостоилась! Жаль только, что в тот день я была всклокочена, словно демон.

На следующий вечер я заранее приготовила три блюда и оставила их греться на маленьком огне. Я накрыла стол со свечами, постелила белую скатерть, а сверху наискосок положила полоску красной ткани, вышло очень нарядно. Ужин удался на славу. Блюда получились и красивые, и вкусные, да и я, как хозяйка, принарядилась, причесалась и даже надела длинную юбку. Уже садясь в машину, начальник и его жена сказали мне на прощанье:

— Если у нас появится место в отделе по связям с общественностью, вы сможете занять его и стать частью компании.

Глаза мои засветились от радости. Подумать только, все это — благодаря побегам бамбука!

Когда мы проводили начальника, было уже поздно. Я скорей сняла юбку, надела джинсы, завязала резинкой волосы и яростно принялась за мытье посуды. В привычном обличье Золушки я чувствовала себя гораздо свободнее. Хосе был чрезвычайно доволен.

— Да, побеги бамбука с грибами удались на славу... А где же ты их раздобыла? — спросил он, стоя у меня за спиной.

— Какие еще побеги? — спросила я, не отрываясь от посуды.

— Которые ты приготовила на ужин!

Я расхохоталась.

— Ты хотел сказать, жареные огурцы с грибами?

— Что?.. Ты... ладно ты меня все время обманываешь, так еще и начальника умудрилась одурачить...

— Я и не думала его дурачить! Он сам сказал, что это — лучшие побеги бамбука с грибами в его жизни!

Хосе сгреб меня в объятия так, что мыльная пена забрызгала ему всю голову и бороду.

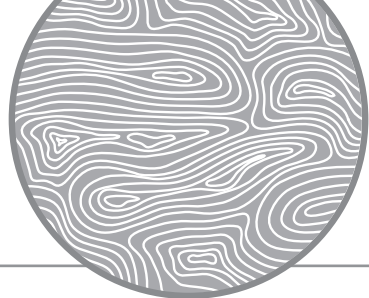
— Да здравствует моя мартышка! Ты и есть та самая обезьяна в семидесяти двух обличьях, как там ее звали, я забыл...

Я хлопнула его по лбу.

— Великий мудрец, равный Небу, — Сунь У-кун!² И попробуй только снова забыть!

---

² Сунь У-кун — главный персонаж романа У Чэнь-эня «Путешествие на Запад», одного из четырех китайских классических романов.

История одной свадьбы

1

В прошлом году ранним зимним утром мы с Хосе сидели в мадридском парке. Было ужасно холодно, и я по самые глаза укуталась в свое пальто, выставив наружу только руку, чтобы бросать воробьям хлебные крошки. Хосе, одетый в старую теплую куртку, читал что-то про мореплавание.

— Сань-мао, какие у тебя планы на следующий год? — спросил он.

— Да нет никаких особых. Может, в Африку поеду после Пасхи.

— В Марокко? Так ты вроде уже там была? — снова спросил Хосе.

— Я была в Алжире. А теперь хочу съездить в Сахару.

У Хосе было одно несомненное достоинство: любые выходки Сань-мао, заставлявшие других крутить пальцем у виска, он воспринимал как нечто вполне естественное. Поэтому мне и было с ним так хорошо.

— А ты что собираешься делать? — спросила я его.

— А я хочу летом отправиться в плавание. Учеба закончилась, служба в армии наконец-то позади. — Он скрестил руки на затылке.

— А лодкой ты уже обзавелся? — Я знала, что он давно мечтал о небольшом паруснике.

— Отец Хесуса одолжит нам яхту, и мы махнем в Грецию, нырять в Эгейском море.

Я верила ему: он всегда исполнял задуманное.

— И надолго ты собираешься в Сахару? Чем ты там будешь заниматься?

— Думаю пожить там полгода или год. Хочу понять, что такое пустыня.

С самого детства, с первых уроков географии это было моей заветной мечтой.

— Поплыли с нами! Нас будет шестеро, включая тебя. Сможешь к августу вернуться?

Я высунула нос из-под своего пальто и весело взглянула на него.

— Но я ничего не смыслю в яхтах! А что мне придется делать?

— Будешь поваром, фотографом, заодно еще и назначаем, заведующим моими финансами. Возьмешься?

— Я бы с удовольствием, но боюсь, в августе я буду еще в пустыне. Эх, что же делать? Мне и того и другого хочется! — Как же мне хотелось и рыбку поймать, и медвежьей лапой полакомиться!¹

Хосе слегка приуныл.

— Мы так давно знакомы, а ты только и делаешь, что носишься туда-сюда по свету! — воскликнул он. — Еле дождался демобилизации, и тут ты опять меня бросаешь. Когда же мы сможем побыть вместе?

Никогда раньше Хосе не высказывал мне недовольства. Я удивленно взглянула на него и отшвырнула подальше хлебные крошки. Вспугнутые воробушки разлетелись.

— Значит, ты твердо решила ехать в пустыню? — снова спросил он.

Я утвердительно кивнула. Да, я правда этого хотела.

---

¹ Сань-мао цитирует трактат китайского философа Мэн-цзы (372–289 гг. до н. э.) Подробнее см. Комментарии-1.

— Ладно, — сказал он в сердцах и вернулся к своей книжке.

Обычно Хосе бывал словоохотлив, чем очень меня раздражал, но когда происходило что-то по-настоящему серьезное, он напрочь умолкал.

И кто бы мог подумать, что к началу февраля Хосе, не сказав никому ни слова, найдет работу в пустыне Сахаре, соберет чемодан и отправится в Африку даже раньше меня!

Я написала ему в письме: «Зачем тебе из-за меня терпеть лишения в пустыне? Ведь оказавшись там, большую часть времени я буду проводить в разъездах, и мы все равно будем мало видеться...»

Хосе ответил на это: «Я хорошо все обдумал. Чтобы ты была со мной, мне остается только одно — жениться на тебе. Иначе я так и буду всю жизнь мучиться. Давай летом поженемся?»

Это письмо, такое простое и незатейливое, я перечитала раз десять, не меньше, а потом сложила, засунула в карман брюк и гуляла с ним весь вечер. Вернувшись домой, я приняла решение.

В середине апреля я собрала вещи, сдала мадридскую квартиру и приехала в Испанскую Сахару. Хосе жил в общежитии при работе, а я поселилась в городке Эль-Аюн. Нас разделяла почти сотня километров, но Хосе все равно каждый день ко мне приезжал.

— Ну вот, теперь можем и пожениться, — провозгласил он, сияя от радости.

— Погоди, дай мне месяца три поездить и осмотреться, вот вернусь — тогда и поженемся.

Я пыталась найти кого-нибудь из местных жителей, кто провез бы меня через пустыню к западной части Африки.

— Хорошо, я согласен, только надо сходить в суд и разузнать, что да как. Ты еще должна спросить о натурализации. — Мы договорились, что после свадьбы я возьму второе гражданство.

В общем, мы отправились в местный суд, чтобы узнать, как нам пожениться. Секретарем там был совершенно седой испанский сеньор.

— Пожениться хотите? — спросил он. — Гм, ничего подобного мы еще не оформляли. Вы же понимаете, здесь, в Сахаре, у людей свои свадебные обычаи, дайте-ка я с законами сверюсь...

Глядя в книгу, он наконец провозгласил:

— Ага, вот: нотариальная регистрация брака. Значит, так: вам нужно предъявить свидетельства о рождении, подтверждение, что ни один из вас на настоящий момент не состоит в браке, вид на жительство, постановление суда... Документы сеньориты должны быть выданы на Тайване, переведены и заверены в посольстве Китайской Республики в Португалии. Затем их надо заверить в испанском консульстве, а уж потом через МИД Испании переслать сюда на утверждение. После этого мы опубликуем объявление о бракосочетании и через пятнадцать дней отправим запрос в управу по вашему прежнему месту жительства в Мадриде.

Больше всего на свете я ненавижу бумажную волокиту. Выслушав этот перечень, я приуныла и шепнула Хосе:

— Надо же, сколько формальностей! Кошмар какой. Думаешь, нам все еще стоит жениться?

— Конечно, стоит. Помолчи немного, — занервничал Хосе и спросил секретаря:

— Скажите, а как скоро мы сможем пожениться?

— Это, знаете ли, вопрос к вам! Сперва подготовьте все бумаги, а за нами дело не станет. На формальности в обеих странах потребуется около месяца, плюс пересылка документов... глядишь, месяца за три и управимся. — Секретарь медленно закрыл книгу.

Услышав это, Хосе еще больше разволновался. Он утер пот со лба и, запинаясь, обратился к секретарю:

— Прошу вас, помогите нам! Нельзя ли как-нибудь ускорить дело? Мы не можем ждать!

Водружая книгу на полку, секретарь бросил молниеносный взгляд на мою талию. Я поняла, что он ошибочно истолковал слова Хосе, и поспешила вставить:

— Сеньор секретарь, я особо не тороплюсь, проблема не у меня, а у него. — Почувствовав, что сморозила глупость, я умолкла.

Хосе схватил меня за руку, продолжая благодарить секретаря:

— Большое вам спасибо! Начнем оформлять документы... до свидания! — Договорив, он потащил меня вниз с третьего этажа. Я бежала за ним, безудержно хохоча. Остановились мы, только когда вылетели из здания суда.

— Какая это у меня проблема, ну что ты болтаешь! Скажи еще, что я беременный! — кипятился Хосе. А я от смеха не могла произнести ни слова.

2

Незаметно пролетели три месяца. Все это время Хосе усердно зарабатывал деньги, а еще мастерил для нас мебель. Каждый день он перевозил ко мне что-то из своих вещей. Я же, с рюкзаком за плечами и фотоаппаратом наперевес, разъезжала среди пастушьих шатров, наблюдая за диковинными обычаями жителей пустыни, делая записи в блокноте и разбирая слайды. У меня появилось множество друзей среди сахрави, и я даже начала изучать арабский язык. Это были плодотворные и счастливые дни.

И конечно, мы как заведенные оформляли документы, необходимые для вступления в брак, и это страшно меня раздражало. Даже теперь при одном воспоминании об этом меня бросает в жар.

Стало жарко. Номерной таблички на нашем доме не было; пришлось арендовать на почте ячейку и изо дня в день ходить ее проверять, притом что дорога в один конец занимала не меньше часа. За три месяца

я, кажется, перезнакомилась со всеми жителями поселка, особенно с теми, кто работал на почте или в судебной управе, я ведь каждый день туда бегала. Все они стали моими друзьями.

В один прекрасный день, когда я в очередной раз явилась в судебную управу, совершенно изжарившись под палящим солнцем, секретарь объявил:

— Все в порядке! Из Мадрида пришел ответ на наш запрос. Можете жениться!

— Неужели? — Я поверить не могла, что эпопея с документами окончена.

— Сейчас я назначу вам время... — Секретарь расплылся в улыбке.

— Когда же? — поспешно осведомилась я.

— Завтра в шесть вечера.

— Завтра? Вы сказали — завтра? — В моем голосе было больше недоверия, чем радости. Секретарь даже немного обиделся на мою неблагодарность.

— Разве Хосе не просил ускорить дело?

— Да-да, благодарю вас! Завтра так завтра.

Словно во сне, я спустилась по лестнице, уселась на каменные ступеньки почты и замерла, глядя на пустыню.

Вдруг я увидела, как мимо на джипе проезжает шофер из компании Хосе. Я вскочила и побежала за ним, крича:

— Мухаммед Салех, вы, случайно, не в контору едете? Передайте, пожалуйста, Хосе, чтобы после работы он срочно вернулся в поселок, потому что завтра у нас свадьба.

Мухаммед Салех озадаченно почесал в голове.

— А что, сеньор Хосе не знает, что у него завтра свадьба?

— Не знает! — громко ответила я. — Да я и сама не знала.

Шофер посмотрел на меня глазами полными ужаса и поддал газу. Машина, вихляя, унеслась вдаль. Я поняла, что снова ляпнула лишнее — он наверняка решил, что в ожидании свадьбы я свихнулась.

Хосе не стал дожидаться окончания работы и тут же примчался.

— Что, правда завтра? — недоверчиво спросил он, зайдя в дверь.

— Правда! Пойдем на почту, надо отправить родителям телеграмму. — Я вновь потащила его из дома.

«Просим прощения, что не известили вас заблаговременно. Мы сами не знали, что завтра состоится наше бракосочетание. Пожалуйста, извините...»

Телеграмма Хосе была такой длинной, что проще было бы написать письмо.

Я же ограничилась короткой телеграммой отцу:

«Завтра у нас свадьба Сань-мао».

Я знала, что телеграмма обрадует и утешит моих родителей. Их непутевая дочь причинила им за долгие годы столько горя и забот... Я очень перед ними виновата.

— А что ты наденешь? — спросил Хосе.

— Сама не знаю, — задумалась я. — Что-нибудь попроще.

— Черт! Я же забыл на завтра отпроситься! Придется ехать на работу. — В голосе Хосе звучала досада.

— Ну и поезжай, все равно бракосочетание только в шесть. Отпросишься на час пораньше и как раз успеешь.

Мне казалось, в день бракосочетания вполне можно и поработать.

— Хорошо, телеграммы отправили, что дальше? — Хосе пребывал в каком-то ступоре.

— Пойдем домой. Тебя ждет мебель, стол еще не сколочен. А мне бы занавеску дошить. — Я не могла взять в толк, отчего Хосе так странно себя ведет.

— Работать вечером перед свадьбой? — Ему явно не терпелось начать праздновать, лодырю такому.

— А чего бы ты хотел? — спросила я.

— Я бы хотел сводить тебя в кино, ведь завтра ты уже не будешь моей девушкой.

В итоге мы пошли в единственный в наших краях и очень неказистый кинотеатр на «Грека Зорбу». Лучший финальный аккорд холостяцкой жизни!

На следующий день Хосе постучался в дверь, когда я наслаждалась послеполуденным сном. До этого я приволокла домой здоровенный бак с питьевой водой и совершенно выбилась из сил. А было уже полшестого. Хосе вошел и как завопит:

— Вставай скорей, я тебе подарок принес!

Вид у него был крайне возбужденный. В руках он держал большую коробку. Я, как была босая, вскочила и выхватила у него коробку, радостно воскликнув:

— Неужели цветы?

— Где ж я возьму цветы в пустыне? Сама посуди. — Мое предположение немного его огорчило.

Я открыла коробку, сорвав оберточную бумагу. Боже милосердный! На меня смотрели пустые глазницы черепа. Я не без труда вытащила этот сюрприз из коробки и стала рассматривать. Это был череп верблюда. Филигранно собранный из белых косточек, он зловеще скалился всеми своими зубищами, а на месте глаз зияли две черные дыры.

Я страшно обрадовалась такому подарку, поразившему меня до глубины души. Восхищенно приговаривая: «Какой шик, какая роскошь!», я водрузила его на полку. Хосе, родная душа, мой лучший в мире друг.

— Где же ты его откопал? — спросила я его.

— Долго разыскивал! Всю пустыню облазил, пока целый не попался. Я знал, что тебе понравится. — Чувствовалось, что он очень доволен. И действительно — лучшего подарка на свадьбу не придумаешь.

— Одевайся скорей, а то опоздаем! — поторопил меня Хосе, взглянув на часы.

У меня много красивой одежды, которую я редко ношу в обычной жизни. Я взглянула на Хосе — на нем была темно-синяя рубашка; он даже бороду подровнял. Ладно, тогда я оденусь в голубое. Я достала светло-голубое платье из тонкого льна. Пусть оно и не слишком новое, зато про-

стое и элегантное. На ноги — открытые сандалии, волосы распустить, на них надеть широкополую соломенную шляпу. Вместо цветка приспособим к шляпе завалившийся на кухне пучок петрушки. Сумочку брать не стану, пусть руки будут свободны. Хосе оглядел меня и вынес вердикт:

— Замечательно. Сельский стиль очень тебе к лицу, просто и со вкусом.

Мы заперли дверь на замок и пошли пешком через пустыню.

От нашего дома до поселка идти минут сорок. Машины у нас не было, пришлось добираться пешком. Две крошечные фигурки одиноко брели по недвижным пескам под широким, безграничным небом. Вокруг царило полное безмолвие. Ах, пустыня, как же ты была прекрасна!

— Ты, наверно, первая невеста, которая идет пешком на собственную свадьбу, — сказал Хосе.

— Вот бы со свистом примчаться в поселок верхом на верблюде. Представь, как это было бы грандиозно! Но увы... — вздохнула я.

Еще не дойдя до здания судебной управы, мы услышали голоса: «Пришли! Вот они!» Какой-то незнакомец выскочил нас фотографировать. Вздвогнув от неожиданности, я спросила Хосе:

— Ты что, фотографа пригласил?

— И не думал. Может, это от управы? — Он вдруг сильно занервничал.

Поднявшись по лестнице, мы увидели, что все сотрудники управы — в костюмах и при галстуках. Жених рядом с ними выглядел случайным зевакой.

— Кошмар, Хосе, они все при параде, с ума сойти! — Я всегда страшилась показушных церемоний, но деваться было некуда.

— Держись, — приободрил меня Хосе. — Еще немного, и мы женаты.

Секретарь был в черном костюме с шелковой бабочкой.

— Сюда, сюда, проходите. — Он повел нас в церемониальный зал, не дав даже времени стереть пот с лица.

Оглядев маленький зал, я увидела много знакомых лиц. Все улыбались, глядя на нас с Хосе. Боже мой, и откуда они только узнали!

Судья был довольно молод, примерно нашего возраста. На нем была черная атласная мантия.

— Садитесь сюда, пожалуйста. — Мы были словно ма-рионетки, которых дергают за ниточки. Капли пота скатывались со лба Хосе и падали ему на бороду.

Мы уселись, и сеньор секретарь начал свою речь:

— Именем Закона Испании, по заключении брака вы обязаны подчиняться трем правилам. Первое: муж и жена должны проживать вместе...

«Какая несусветная чепуха, — подумала я — просто курам на смех». Мне стало так смешно, что продолжения речи я уже не слышала и опомнилась лишь после того, как судья произнес мое имя:

— Сеньорита Сань-мао!

— Что? — поспешно спросила я.

Сидевшие в зале рассмеялись.

— Пожалуйста, встаньте.

Я медленно поднялась.

— Сеньор Хосе, вы тоже встаньте, пожалуйста.

Какая тягомотина! Почему бы сразу не сказать: встаньте оба, сколько времени бы сэкономили.

Вдруг я заметила, что у молодого судьи трясутся руки. Я незаметно толкнула Хосе в бок. Впервые судебная управа зарегистрировала бракосочетание в этой пустыне, и судья нервничал еще больше нас.

— Сань-мао, вы согласны стать женой Хосе? — спросил судья. Я знала, что надо ответить: «Да», но вместо этого у меня вырвалось:

— Пожалуй!..

Судья рассмеялся и задал Хосе тот же вопрос.

— Да! — громко провозгласил он.

Что делать дальше, судья, кажется, не знал, и какое-то время мы стояли в тишине. Внезапно судья объявил:

— Ну все, вы женаты. Поздравляю вас!

Поняв, что тягостное действо наконец окончено, я оживилась, сняла шляпу и начала обмахиваться ею как веером. К нам стали подходить с рукопожатиями. Больше всех радовался сеньор секретарь, можно было подумать, что это наш отец.

Вдруг кто-то спросил:

— Погодите, а где же ваши кольца?

И точно, подумала я. Про кольца-то мы и забыли! Я повернулась к Хосе, но он уже вышел в коридор. Я окликнула его:

— Эй, а ты кольца принес?

Счастливый Хосе крикнул мне в ответ:

— Вот они! — Затем вытащил свое кольцо, сам надел его себе на палец и побежал за судьей: — Сеньор судья, нам нужно свидетельство о браке! — О том, что и на мой палец хорошо бы надеть кольцо, он совершенно позабыл.

Бракосочетание закончилось. Во всей пустыне не было ни одного приличествующего случаю ресторана, а гостей мы не приглашали, так как денег было мало. Все разошлись. Мы с Хосе остались одни, не зная, что делать дальше.

— Давай снимем номер в отеле «Насьональ», — предложил Хосе.

— Лучше приготовим ужин дома. Одна ночь в этом отеле обойдется нам в сумму, на которую можно питаться целую неделю. — Деньги транжирить не хотелось, и мы побрели через пустыню домой.

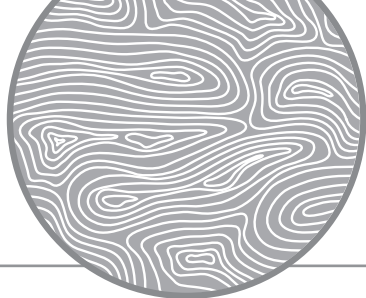
Перед запертой дверью стояла большая коробка с тортом. Мы открыли дверь, зашли внутрь, сняли с коробки крышку, и из-под нее выпала бумажка со словами: «Поздравляем молодоженов» за множеством подписей сослуживцев Хосе. Я была несказанно тронута. Свежий кремный торт в пустыне — это ли не счастье! И самое изумительное — он был украшен фигурками молодоженов, одетых в свадебные наряды. У невесты в белой фате даже открывались и закрывались глазки. Я, словно маленькая девочка, схватила фигурки и закричала:

— Чур, они мои!

— Конечно, твои, — подтвердил Хосе. — Неужели я отнял бы их у тебя?

Он отрезал для меня кусок торта и надел мне на палец кольцо. Вот теперь наша свадьба точно состоялась.

Так я и вышла замуж.

САХАРСКАЯ ЗНАХАРКА

Я не из тех, кто часто ходит к врачам. И не потому, что я мало болею. Совсем наоборот — с утра до ночи меня одолевают всевозможные недомогания, и мне просто лень каждый раз тащиться в клинику. Сундук с драгоценностями, сопровождающий меня полжизни, — картонная коробка, набитая лекарствами. Куда бы я ни отправлялась, всегда беру ее с собой. Она со мной так долго, что за это время я кое-как научилась справляться с легкими недугами.

В прошлом году, во время путешествия по Великой пустыне, я дала одной местной женщине две таблетки аспирина от головной боли. В последующие несколько дней, которые я провела в ее шатре, ко мне не иссякала очередь из людей, приводивших за лекарствами детей и стариков. Тогда я опасалась давать им что-то кроме антисептика, противовоспалительной мази и обезболивающих, и оказалось, что на этот далекий от цивилизации кочевой народ лекарства действуют волшебным образом. Перед возвращением в Эль-Аюн все свои съестные припасы и лекарства я оставила сахрави, бедствовавшим в своих шатрах.

Вскоре после того, как я поселилась неподалеку от поселка, наша африканская соседка пришла ко мне за лекар-

ством от головной боли. Зная, что в поселке есть государственная больница, я не хотела давать ей обезболивающее и посоветовала обратиться к врачу. Мне и в голову не пришло, что здешние женщины принадлежат к моему племени — тому, что не ходит лечиться к врачам. Правда, у них другая на то причина: врачи здесь — мужчины, и всю жизнь скрывающиеся под чадрой женщины скорей умрут, чем пойдут к доктору-мужчине на осмотр. Делать было нечего, и я, скрепя сердце, дала соседке две таблетки обезболивающего. И с той поры — уж не знаю, как разнеслась эта весть, — со всей округи ко мне начали приходиться женщины с жалобами на всевозможные недомогания. Помимо лекарств иногда я дарила им что-то из своей одежды, чему они радовались еще больше, и череда страждущих росла. Я рассудила так: раз они под страхом смерти отказываются идти к врачу, почему бы мне не помочь им с малыми недугами, облегчить немного их тяжкую долю, а заодно развеять собственное одиночество в пустыне — сразу двух зайцев подстрелить. Я обнаружила также, что большинство женщин и детей, которым я давала таблетки, моментально поправлялись. Постепенно я осмелела и иногда даже сама ходила к больным. Хосе считал мое врачевание игрой в куклы, и порой его прошибал холодный пот: ему казалось, что я бог знает что вытворяю. Он не понимал, что за этим «бог знает чем» кроются любовь и сострадание.

Нашей соседке Гуке было десять лет, скоро ее выдавали замуж. За полмесяца до свадьбы на внутренней стороне ее бедра выскочил красный бугорок. Поначалу он был размером с медную монету и не гнойный, а твердый на ощупь. Бугорок этот так набух, что кожа на нем натянулась и блестела. Лимфоузлы тоже распухли и отвердели, как две фруктовые косточки. Когда я пришла к ней на второй день, нарыв вырос и стал уже размером с грецкий орех. Бедняжке было так больно, что она только лежала на своей рваной циновке и стонала.

— Ничего не поделаешь, надо показать ее доктору, — сказала я ее матери.

— Разве можно это место доктору показывать, ей же скоро замуж! — Мать была настроена решительно. Мне оставалось

лишь накладывать противовоспалительную мазь и давать лекарства. Но прошло три-четыре дня, а лучше не становилось.

— Пожалуйста, отведите ее к врачу, — обратилась я на этот раз к ее отцу.

Но ответ был прежним:

— Ни в коем случае.

И тут я вспомнила, что дома у меня есть соевые бобы. Ничего не поделаешь — придется жителям Африки проверить на себе действие китайской медицины. Я отправилась домой толочь сою. Увидев меня, Хосе просунул на кухню голову и спросил:

— Обед готовишь?

— Китайское снадобье, — ответила я ему. — Для Гуки.

Хосе остолбенел.

— А при чем тут бобы? — спросил он.

— Это такой старинный способ из книжки про китайскую медицину.

Вид у Хосе был крайне неодобрительный.

— К врачам эти женщины не ходят, а тебе почему-то верят. Ты смотри, не переусердствуй.

Измельчив сою, я переложила получившуюся массу в маленькую пиалу.

— Я сахарская знахарка! — провозгласила я и отправилась к Гуке. В тот же день я смазала ее нарыв соевой мазью, а сверху наложила марлю. На следующий день нарыв стал мягче, и я поменяла повязку с соей на свежую. На третий день под кожей показался гной. На четвертый он вышел наружу, и вместе с ним вытекло немного крови. Тогда я наложила медицинскую мазь, и через несколько дней все зажило. Когда Хосе вернулся со службы домой, я сказала ему, очень собой довольная:

— Вылечила!

— Соевой мазью?

— Да.

— Китайцы — непостижимый народ. — Хосе недоуменно покачал головой.

Через некоторое время ко мне пришла соседка Хадиджа и сказала:

— Моя двоюродная сестра приехала из пустыни. Она при смерти, не посмотришь ее?

Услыхав, что человек умирает, я испугалась.

— А что с ней? — спросила я Хадиджу.

— Не знаю. Чахлая, голова кружится, глаза почти не видят, тощая, вот-вот помрет.

Меня заинтриговало это животрепещущее описание. Но в этот миг из комнаты раздался предостерегающий голос Хосе, слышавшего наш разговор:

— Сань-мао, не лезь в чужие дела!

Тогда я тихонько шепнула Хадидже:

— Я загляну чуть позже, когда муж уйдет на работу.

Едва я закрыла за нею дверь, Хосе начал ругаться:

— А что если она действительно умрет и ты окажешься виноватой? Раз к врачу идти не хочет, значит, так ей и надо.

— Да ведь неграмотные же, несчастные люди... — Хоть я и стояла на своем, Хосе был по-своему прав. Но любопытство и бесстрашие победили, и не успел Хосе шагнуть за порог, как я выскользнула вслед за ним. Прибжевав к Хадидже, я увидела лежавшую на земле худую как спичка юную девушку. Глаза ее ввалились так глубоко, что походили на две черные дыры. Я дотронулась до нее — жара не было; язык, ногти и белки глаз имели здоровый цвет. Я спросила, где у нее болит; она что-то невнятно пробормотала в ответ. Хади перевела с арабского:

— Глаза почти не видят, в ушах звенит, встать не может — сил нет.

Внезапно меня осенило.

— Твоя сестра живет в шатре в пустыне? — спросила я Хадиджу. Та кивнула. — Она, наверно, плохо питается? — продолжила допрашивать я.

Хади сказала:

— Да там почти совсем нечего есть!

— Погоди. — Я побежала домой и отсыпала пятнадцать таблеток самого сильного мультивитамина.

— Хади, вы можете забить козу?

Она поспешно закивала в ответ.

— Для начала давай сестренке этот витамин, три таблетки в день. И сварите ей суп из козлятины.

Прошло меньше десяти дней, и девушка, про которую Хадди говорила, что она вот-вот помрет, неожиданно сама пришла ко мне и сидела довольно долго, явно пребывая в добром здравии. Хосе, вернувшись с работы и увидев ее, рассмеялся:

— Никак умирающая исцелилась! Чем же ты болела?

— Да ничем, — ответила я, не в силах сдержать улыбку. — У нее было истощение крайней степени.

— И как же ты это определила? — спросил Хосе.

— Догадалась. — К своему удивлению, я заметила, что он явно мною гордится.

Мы поселились у окраин Эль-Аюна. Европейцев здесь почти нет, и мы с Хосе с большим удовольствием знакомимся с местными жителями. Наши друзья большей частью — сахрави. Дел у меня немного, и я открыла у себя дома бесплатную женскую школу. Я учу местных женщин читать цифры, узнавать монеты, более продвинутых учениц — простой арифметике (один плюс один будет два, все в таком роде). Всего у меня от семи до пятнадцати учениц, они приходят и уходят когда хотят; можно сказать, в нашей школе царит полная свобода. Однажды во время занятия ученицы расшалились и побежали рыться в моих книгах. В руки им попалась книжка «Рождение ребенка» на испанском языке с наглядными картинками и иллюстрациями. В книжке были цветные фотографии, изображающие цикл беременности от зачатия до рождения младенца, с подробными описаниями всего процесса. Мои ученицы так воодушевились, что мы бросили арифметику и целых две недели изучали эту книжку. Глядя на картинки, они тихонько ахали, словно понятия не имели о том, как зарождается жизнь, а ведь среди них было немало матерей с тремя, а то и четырьмя детьми.

— Куда катится мир! В жизни не рожавшая учительница объясняет рожавшим матерям, откуда берутся дети, — невольно рассмеявшись, сказал Хосе.

— Раньше они просто рожали, а теперь хоть узнают, что да как. Видимо, родить легче, чем понять, как это происходит.

По крайней мере, эти женщины получают хоть какие-то простейшие знания, пусть и не станут они от этого ни счастливее, ни здоровее.

Одна из моих учениц, Фатима, как-то спросила меня:

— Сань-мао, а ты можешь прийти ко мне, когда я буду рожать?

Я уставилась на нее, потеряв дар речи. Мы виделись с нею каждый день, но я понятия не имела, что она беременна!

— А сколько уже месяцев? — спросила я.

Этого она, конечно, не знала, так как не умела считать. Наконец, я уговорила ее распустить длинную полоску ткани, намотанную поверх платья.

— А в прошлый раз кто с тобой был? — Я помнила, что у нее уже есть трехлетний сын.

— Моя мать, — ответила она.

— Ты и сейчас ее позови. Я тебе помочь не смогу.

Она опустила голову.

— На этот раз она не сможет, она умерла.

Услышав это, я прикусила язык.

— Может, в больницу поедешь? Это совсем не страшно, — убеждала я ее.

— Нельзя, там врачи — мужчины, — поспешно возразила она. Я посмотрела на ее живот — месяцев восемь уже было. В замешательстве я сказала:

— Фатима, я не врач, я даже не рожала никогда, я не могу принимать у тебя роды.

— Прошу тебя, в книжке ведь все написано, помоги мне! Пожалуйста! — умоляла она, чуть не плача.

Мне было очень ее жалко. Я немного подумала — нет, невозможно. Скрепя сердце я сказала ей:

— Даже и не проси. Я не могу рисковать твоей жизнью.

— Да все будет нормально, я здорова, сама рожу, а ты мне просто поможешь!

— Потом поговорим, — прервала я этот разговор, так ничего ей и не пообещав.

Прошло больше месяца. Я и думать забыла о том разговоре. И вот в один прекрасный вечер на закате ко мне постучалась незнакомая девочка. Я открыла ей дверь.

— Фатима, Фатима! — только и смогла выговорить она, так как ничего больше по-испански не знала. Я вышла, заперла за собой дверь и велела ей:

— Позови ее мужа! Понимаешь меня?

Она кивнула и умчалась. Я пришла к Фатиме. Она, вся в поту, лежала на полу и корчилась от боли; рядом плакал ее трехлетний сынишка. На циновке образовалась лужица из ее пота. Я подхватила малыша, отнесла его к соседям, чтобы присмотрели за ним, и потащила соседку — женщину средних лет — к Фатиме. Здешние жители крайне неохотно друг другу помогают, и сердечности между ними мало. Соседка взглянула на Фатиму и, сердито выругавшись по-арабски, убралась восвояси. (Только потом я узнала, что местные жители считают дурной приметой увидеть рожаящую женщину.) Не зная, что делать, я сказала Фатиме:

— Не бойся, я пойду возьму кое-чего и сразу вернусь.

Я понеслась домой, схватила с полки книжку и, открыв ее на главе про роды, стала лихорадочно читать, перечисляя про себя: «Ножницы, вата, спирт, что еще?» И тут я увидела, что Хосе уже вернулся домой и смотрит на меня в большом недоумении.

— Ох, не знаю, что и делать. Боюсь, мне не справиться, — вся дрожа, тихо сказала я.

— С чем? С чем не справиться? — Моя тревога передавалась и Хосе.

— С родами! У нее уже воды отошли. — С книжкой в одной руке и большим рулоном ваты в другой я металась по дому в поисках ножниц.

— Совсем с ума сошла? Я никуда тебя не пущу! — Хосе выхватил книгу у меня из рук. — Ты же не рожала ни разу, ты же ее убьешь. — Он уже кричал на меня. Тут я немного пришла в себя и сказала, настаивая на своем:

— У меня есть книжка, и я видела документальный фильм о родах...

— Никуда ты не пойдешь. — Хосе подбежал и схватил меня. С руками, полными вещей, я могла только ударить его локтем под ребра. Пытаясь высвободиться, я кричала:

— Бессердечное ты животное, нет в тебе ни капли сострадания, пусти меня!

— Не пущу. Ты никуда не пойдешь. — Хосе был непоколебим.

В пылу драки мы вдруг увидели мужа Фатимы, который озадаченно смотрел на нас через окно. Хосе отпустил меня и сказал ему:

— Я не позволю Сань-мао принимать роды. Она погубит Фатиму. Я найду машину, и мы отвезем твою жену рожать в больницу.

В итоге Фатима отправилась в государственную больницу, где благополучно родила сына. Платы с местных жителей испанские власти не брали. Вернувшись домой, Фатима была чрезвычайно горда тем, что стала первой в округе женщиной, рожавшей в больнице. Вопрос о врачах-мужчинах больше не поднимался.

Как-то утром я развешивала на крыше одежду и вдруг увидела, что в загоне, построенном нашим хозяином, появилось двое маленьких козлят. Я пришла в восторг и позвала Хосе:

— Скорей иди сюда! Тут два прелестных козленочка!

Он прибежал, посмотрел и сказал:

— Для запекания самое то!

Подпрыгнув от ужаса, я гневно воскликнула:

— Что ты несешь! — и поспешно отогнала козлят поближе к матери. И тут я заметила, что у козы между ног свисает нечто, по форме напоминающее сердце. Плацента? Зрелище было весьма отталкивающее.

Прошло три дня, а у козы так и болталась эта страшная штука. Домовладелец сказал:

— Давайте зарежем ее и съедем.

— Но если убить козу, что же будут есть козлята? — Я спешно подыскивала причины для спасения козы.

— С болтающейся плацентой она и подавно умрет, — сказал хозяин.

— Не трогайте ее пока, я попробую что-нибудь придумать, — вырвалось у меня.

Я понятия не имела, как вылечить козу. Дома я немного пораскинула мозгами... ага! — и достала бутылку красного вина. Поднялась на крышу, поймала козу и силой влила

в нее вино из бутылки. Лишь бы не сдохла от опьянения, и полдела будет сделано. Когда-то давно я слышала о таком способе у одного фермера и вот неожиданно вспомнила.

На следующий день хозяин сказал мне:

— Надо же, выздоровела! Вся грязь из живота вышла наружу, и коза поправилась! Не знаю, как вас благодарить!

Я засмеялась и тихонько сказала ему:

— Она вылакала целую бутылку красного вина!

Он торопливо произнес:

— Спасибо, большое спасибо! — и удалился с выражением безысходности на лице — ничего, мол, теперь не поделаешь.

И только тогда я сообразила, что раз мусульмане не пьют вина, их козам это и подавно запрещено.

Всех-то вылечивала сахарская знахарка, и лишь один Хосе ее боялся. Он никогда не позволял мне себя лечить. Но я всеми силами старалась завоевать его доверие. Однажды у него заболел живот, я дала ему порошок под названием «Силун — U» и велела запить водой.

— Что это? — спросил он.

— Попробуй сначала, а потом спрашивай. Мне всегда помогает! — Я заставила его проглотить один пакетик.

Спустя какое-то время, не почувствовав облегчения, Хосе стал рассматривать пластиковый пакетик, в котором был порошок. Надпись по-китайски он не понял, но там было написано по-английски: «Vitamin U».

— Значит, бывает еще и витамин Ю? — мрачно спросил он меня. — И он помогает от боли в желудке?

Тут я и сама не знала, что ответить. Взяла пакетик, взглянула — и правда. Смеялась я долго. А боль в желудке у Хосе вскоре утихла.

Еще мне очень нравилось лечить животных. Правда, Хосе был так напуган случаем с Фатимой, что о своих ветеринарных подвигах я ему не сообщала. Мало-помалу он решил, что игра в доктора мне наскучила.

На прошлой неделе у нас было три выходных дня. Погода стояла чудесная, не холодная и не жаркая, мы решили

взять напрокат джип и поехать с палатками в пустыню. Когда мы складывали в машину ящики с водой, палатку и съестные припасы, пришла темнокожая соседка с непокрытой головой. Она уверенно подошла прямо к нам. Я и слова не успела сказать, как она радостно сообщила Хосе:

— Ваша жена — просто волшебница, так залечила мне зуб, что он больше и не болит.

Услышав это, я поспешила перевести разговор на другую тему.

— Где же хлеб? Куда он мог запропаститься? — А сама еле сдерживала смех.

Хосе не знал, плакать ему или смеяться.

— И давно ли вы, сударыня, в стоматологи подались?

Притворяться было бесполезно, и, высоко подняв голову, я ответила ему:

— В прошлом месяце и подалась.

— И сколько же зубов вы залечили? — Ему уже тоже было смешно.

— Двум женщинам и одному ребенку. К врачу они идти не хотели, куда было деваться? Но ведь зубы-то у них с тех пор не болят, и кусать ими можно. — Все это была чистая правда.

— И чем же ты их пломбировала?

— Этого я не могу тебе сказать, — быстро ответила я.

— Тогда я никуда не поеду.

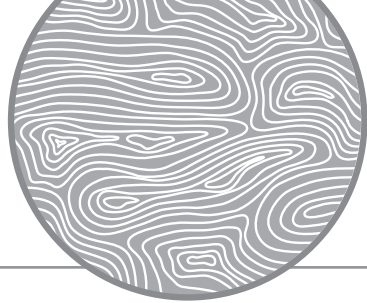
Негодяй умел меня шантажировать. Ну хорошо! Я отбежала от него подальше и тихо произнесла:

— Прочный, водостойкий, клейкий, вкусно пахнет и красивого цвета... Что это, угадай!

— Что? — нетерпеливо спросил не желавший шевелить извилинами Хосе.

— Лак — для — ногтей! — прокричала я.

— А? Пломба из лака для ногтей?! — Хосе так перепугался, что волосы на его голове стали дыбом, прямо как у героя мультика, до чертиков живописно. Я со смехом побежала прочь. Пока он пришел в себя и бросился вдогонку, сахарская знахарка была уже далеко.

ДЕВОЧКА-НЕВЕСТА

Мы познакомились с Гукой около года назад. Ее семья живет в большом доме по соседству с моей крошечной хибаркой. Она старшая дочь Хамди, полицейского. С волосами, заплетенными в толстую косу, в длинном цветастом африканском платье, босая и без чадры, не замотанная в покрывало, она частенько погоняла коз рядом с моим домиком, бойко покрикивая на них звонким голосом. Судя по всему, это была вполне счастливая маленькая девочка.

Потом она пришла ко мне учиться. Я спросила, сколько ей лет, и она ответила:

— Об этом спрашивай Хамди, мы, сахравийки, не знаем, сколько нам лет.

Ни она, ни ее братья и сестры не называли Хамди отцом, а обращались к нему по имени.

Хамди сообщил мне, что Гуке десять лет.

— Тебе, наверно, тоже чуть больше десяти? То-то вы с Гукой так хорошо ладите.

Я не нашлась, что ответить на этот безумный вопрос, и глядела на Хамди с застывшей улыбкой.

Спустя полгода мы уже крепко сдружились со всем семейством Хамди и чуть ли не каждый день пили вместе чай.

Как-то раз я пила чай с Хамди и его женой Гэйбль, и Хамди неожиданно сказал:

— Моя дочь скоро выходит замуж. Прошу тебя сообщить ей об этом при случае.

Я поперхнулась чаем и с трудом произнесла:

— Ты говоришь про Гуку?

— Да, — ответил он. — Через десять дней после Рамадана сыграем свадьбу.

Рамадан, мусульманский месяц поста, вот-вот должен был начаться.

В молчании мы выпили еще одну чашку чаю, после чего я, не выдержав, спросила Хамди:

— А тебе не кажется, что Гука еще слишком мала? Ей ведь всего десять лет.

Хамди недовольно возразил:

— Мала? Моей жене было восемь, когда мы поженились.

Что ж, таковы сахравийские обычаи. Нельзя судить о них слишком пристрастно, — подумала я и умолкла.

— Расскажи об этом Гуке, она еще не знает, — попросила меня ее мать.

— Почему же вы сами ей не скажете? — удивилась я.

— О таких вещах напрямую не говорят! — уверенно ответил Хамди.

Надо же, какие ретрограды, — подумала я.

На следующий день после урока арифметики я попросила Гуку остаться, разожгла угли и заварила чай.

— Гука, вот и твой черед настал, — сказала я, подавая ей чай.

— Чего? — озадаченно переспросила она.

— Глупенькая, ты скоро выходишь замуж, — выпалила я.

Она пришла в явное изумление, лицо ее тут же покраснело.

— Когда? — тихо спросила она.

— Через десять дней после Рамадана. Ты знаешь, кто это может быть?

Она покачала головой, поставила чашку с чаем и ушла, не сказав ни слова. Впервые я видела ее такой подавленной.

Через несколько дней я отправилась в поселок за покупками и встретила старшего брата Гуки в компании с каким-то молодым мужчиной. Брат представил мне его:

— Это Аббуд, полицейский из отряда Хамди, мой хороший друг и будущий муж Гуки.

Услышав, что это жених Гуки, я принялась пристально его разглядывать. Кожа Аббуда была не слишком темная, он был высок и хорош собой, выражался вежливо, смотрел ласково и с первого взгляда производил очень благоприятное впечатление.

Вернувшись домой, я сразу же пошла к Гуке.

— Не волнуйся! — сказала я ей. — Твой жених — Аббуд, он молод и красив, не какой-нибудь чурбан неотесанный. Хамди не выдаст тебя за кого попало.

Услышав мои слова, Гука смущенно опустила голову и ничего не ответила. Судя по выражению ее глаз, она уже смирилась с фактом скорого замужества.

По сахравийскому обычаю дары семье невесты — большой источник дохода для ее родителей. В прошлом, когда денег в пустыне не было, семье невесты дарили баранов, верблюдов, отрезки тканей, рабов, муку, сахар, чай и тому подобное. Сейчас все стало цивилизованней, и хотя семье невесты все еще вручают эти дары, постепенно их заменяют денежные купюры.

В день, когда пришел выкуп за Гуку, Хосе получил приглашение на чай, а я, как женщина, была вынуждена остаться дома. Не прошло и часа, как Хосе вернулся и сказал:

— Этот Аббуд принес Хамди двести тысяч песет! Кто бы мог подумать, что Гука стоит так дорого. (Двести тысяч песет — это больше ста тридцати тысяч тайваньских долларов.)

— Да ведь это же не что иное, как торговля людьми, — возмутилась я, а в душе немного позавидовала Гуке: мои-то родители ни одного барана за меня не получили.

Месяца не прошло, а Гука уже стала одеваться по-новому. Хамди закупил ей разных тканей, неизменно черных или темно-синих. Ткани были плохо прокрашены и оставля-

ли на коже темные отпечатки. Обернувшись в темно-синий кусок ткани, Гука с головы до ног окрашивалась в синий цвет. Теперь ее было не узнать. Хоть она и бегала по-прежнему босая, щиколотки ее украшали золотые и серебряные браслеты, волосы она стала забирать наверх, а тело умащать благовониями — их едкий аромат смешивался со специфическим запахом годами не знавшего мытья тела. Она превратилась в настоящую сахаривку.

В последний день Рамадана Хамди провел ритуал обрезания двух младших сыновей. Мне, конечно, очень хотелось сходить посмотреть, что это такое. К тому времени Гука почти не выходила из дому, и я прошла к ней в комнату проведать ее. В комнате была лишь грязная и рваная циновка, из новых вещей — только одежда Гуки.

— Что же ты возьмешь с собой, когда выйдешь замуж? — спросила я ее. — Ни котла, ни сковородки?

— А я никуда не уйду! — ответила она. — Хамди оставляет меня дома.

— А как же твой муж? — изумилась я.

— Он тоже будет здесь жить.

Я невольно ей позавидовала.

— И сколько вы сможете здесь оставаться?

— По обычаю до шести лет, а потом надо уезжать.

Вот почему Хамди потребовал такой огромный выкуп. Оказывается, зять будет жить в доме тестя и тещи.

За день до свадьбы Гука, согласно обычаю, должна была покинуть отчий дом, чтобы в день свадьбы жених привел ее обратно. Я подарила ей браслет из поддельного нефрита, который она давно у меня выпрашивала. В день, когда Гуке надо было уходить из дому, явилась ее старшая тетка, старая-престарая сахаривка. Гука уселась перед нею, и та принялась ее наряжать. Распустив волосы Гуки, она заплела их в три десятка тоненьких косичек, а к макушке прикрепила пучок искусственных волос, совсем как у придворной девицы в Древнем Китае. В каждую косичку она вплела по цветной бусине, а всю макушку Гуки утыкала сверкающими фальшивыми драгоценностями. При этом лицо невесты

осталось ненакрашенным. Когда волосы Гуки были убраны, мать принесла ей новую одежду.

Гука надела белое платье в складочку, а затем с головы до ног завернулась в черное покрывало. Ее и без того полная фигурка, казалось, раздулась еще больше.

— Ну и толстушка! — вырвалось у меня.

— Толстая — значит, красивая, — отозвалась ее тет-ка. — Так и надо.

Наряженная Гука молча сидела на полу. Лицо ее было очень красивым. Мрачная комнатка осветилась сиянием ее головных украшений.

— Ну, пошли! — Тетка и старшая двоюродная сестра Гуки вывели ее за дверь. Эту ночь ей предстояло провести в доме тетки, чтобы завтра вернуться домой. И тут меня осенило: а ведь Гука так и не помылась! Неужели даже перед свадьбой мыться не нужно?

В день свадьбы дом Хамди было не узнать. Исчезли грязные соломенные циновки, коз прогнали, перед входом положили только что зарезанного верблюда, в комнатах расстелили множество красных арабских ковров. Самым удивительным был барабан из козьей кожи, который поставили в углу; на вид ему было лет сто, не меньше.

Наступили сумерки. Солнце покатилося за горизонт, безбрежная пустыня окрасилась в кроваво-алый цвет. Пслышался бой барабана. Печальный и монотонный, он разносился далеко вокруг. Если бы я не знала, что это в честь свадьбы, то наверняка испугалась бы таинственного грохота. На ходу натягивая свитер, я отправилась к дому Хамди, воображая, что вот-вот попаду в прекрасную сказку из «Тысячи и одной ночи».

Однако в доме, куда я вошла, атмосфера стояла гнетущая. В гостиной сидели мужчины-сахрави, все они курили. Дышать было нечем. Аббуд был тут же вместе со всеми, и, если бы я не познакомилась с ним раньше, мне бы и в голову не пришло, что это и есть жених.

В углу комнаты сидела женщина, черная, как уголь. В черной накидке, с непокрытой головой, она была здесь